

ОБЫЧНОЕ МУЖСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

16+

МАРИНА СУШИЛОВА

Марина Сушилова

Обычное мужское заболевание

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Сушилова М. Л.

Обычное мужское заболевание / М. Л. Сушилова — «ЛитРес: Самиздат», 2007

"Верна ли тебе твоя женщина?" - этот вопрос приходит в голову хотя бы раз в жизни каждому мужчине. Это зарождение ревности. Но что ее вызывает? Может быть, подозрение мужчины имеет под собой основание и стоит проследить за неверной супругой? Или, может, женщина сеет в своем мужчине мысли, что она связана с нечистой силой? Имеет ли ревность отношение к любви, или это разрушающая, сметающая все на своем пути просто болезнь?

Я болен. Очень болен – страшно и неизлечимо. День за днем, мгновение за мгновением приближали меня к неотвратимой развязке. Теперь, когда уже ничего исправить нельзя, я пытаюсь вспомнить, как зарождалась моя болезнь, как она развивалась; и понимаю, что сам подпитывал и холил ее в тайниках души до тех пор, пока она не набрала силу, а затем разрушила мою волю, высосала душу и высунулась наружу, очервив свою жадную и мерзкую пасть. Я болен ревностью.

Началось все пятнадцать лет назад. Господи, какая свобода была тогда и счастье! Но я не знал об этом и не мог оценить своего покоя. Был разгар лета. Сдав сессию и благополучно получив перевод на четвертый курс политеха, я уехал в Троицк к родителям. Три дня и три ночи я отъедался, отсыпался и наслаждался родительской лаской. Я соскучился по родителям, и даже ком подкатывался к горлу, когда слышал по утрам, как они хлопчут на кухне, стараясь не шуметь: отец собирается за моими любимыми черными пряниками и ряженкой, а мама жарит котлеты и картошку с корочкой – «как любит Игорек». Я был единственным ребенком в семье, да еще и поздним. Мама, перенеся в молодости какую-то операцию, долго не могла забеременеть. Помню, как лет в четырнадцать, мне вдруг пришла в голову мысль, что меня взяли из детдома. Я долго вынашивал в себе придуманное, придираясь к каждому замечанию родителей, накручивая себя: вот если бы я был у них родным сыном, они бы не пилили меня из-за учебы, давали бы больше карманных денег, покупали бы дорогие вещи. Я доводил мать грубостью до слез. Отец утешал ее, ссылаясь на переходный возраст, говорил, что это пройдет. Это и вправду прошло, когда я, перебирая семейные фотографии у тетки – маминой сестры, наткнулся на снимок, где мама стоит под деревом, а огромный живот недвусмысленно выпирает из-под платья, но и тут подползла гадливая мысль: а вдруг она специально подсунула подушку и сфотографировалась? Кончилось все неожиданно. Я был в том возрасте, когда все, что касается женщин, пробуждает в подростках особый интерес. Случайно мне в руки попал номер журнала «Здоровье», где в большой статье говорилось о том, как важно вскармливать младенцев материнским молоком, и где ясно было сказано, что молоко в женской груди может появиться только после родов. И тут в памяти всплыла еще одна фотография из теткиного альбома, на которой трехмесячный бутуз с неподдельным аппетитом присосался к маминой груди. Причем, в бутузе явственно угадывались мои черты. До сих пор мне стыдно за те свои детские нелепые подозрения, но как я измучил тогда себя и своих родителей!

Прошли три дня, наполненные родительской нежностью, лаской, плюшками, а на четвертый мне захотелось навестить своего бывшего одноклассника. Дверь открыла очаровательная девушка. Я с трудом признал в ней Светку – младшую сестру Андрея, от которой мы все школьные годы всячески старались отделаться, а она грозилась наябедничать матери про наши проделки, если мы не возьмем ее с собой. Теперь передо мной стояла тоненькая девушка в коротеньком домашнем халатике с пышной копной светлых, чуть рыжеватых волос (это вместо двух-то тощих косиц!) и зелеными глазищами весело смотрела на меня. Я, растерявшись, застыл на пороге. Она рассмеялась, сказала, что Андрей вышел, но скоро вернется, и пригласила пройти и подождать его. Через минуту я уже сидел за кухонным столом, автоматически отпивая чай, печенье сиротливо лежало в сахарнице нетронутым. Светка реяла по кухне, готовя обед: «А то мама останется голодной, у нее всего двадцать минут, чтобы покушать и снова бежать на работу», – тараторила Светка и чистила картошку. Нет, не Светка, – Света, Светланка, Светочка, Вета, – наконец, определился я. Она то наклонялась, то поворачивалась к мойке; волосы она заколола, чтобы не мешали, и тонкую нежную шейку щекотали завитки. Вета что-то рассказывала, сияя огромными зелеными глазами, а я почти не слышал слов, а только впитывал в себя музыку ее голоса, вдыхал запах, чувствуя легкое опьянение. Но все чудесное быстро заканчивается: пришел Андрей и увел меня в комнату. Я разговаривал с другом, а сам невольно прислушивался к кухонной суете. Только тогда, когда пришла на обед

Екатерина Александровна, я распрощался и вышел. По дороге домой образ Веты стоял перед глазами: ее взгляд, ее голос, ее улыбка...

Два дня я искал предлог, чтобы сходить к Атуевым. То что было таким естественным прежде (что может быть проще, чем забежать к другу на минутку!), оказалось невыполнимым теперь. Не придумав ничего лучше, чем попросить у Андрея справочник автомобилиста, якобы для отца, я отправился к знакомому дому. Дверь открыла Вета, и так приветливо пригласила меня пройти, что вся моя неловкость мигом испарилась. Она усадила меня пить чай, села рядом и стала рассказывать о своих планах на десятый класс, о курсах английского языка, о факультативах, потом переключилась на забавные сюжеты об одноклассниках и, весело смеясь, болтала всякую чепуху.

– Помнишь, Игорь, Рудика, которому вы с Андреем из-за меня надрали уши? Теперь он сам готов дать по шее кому угодно, если меня обидят.

– А тебе-то он нравится?

Она махнула рукой:

– Он для меня – пустое место. Просто, если мы не будем сидеть за одной партой, ему не у кого будет списывать английский. Зато он здорово решает задачки по физике – взаимовыгодное сотрудничество! – засмеялась она.

Мы допивали по второй кружке чая, засиживаться беспричинно дольше было неудобно, и я попросил справочник. Вета засуетилась, и мы отправились искать книгу в комнату Андрея. Вдоль стены стоял стеллаж, на котором в два ряда теснились книги. Просмотрев первый ряд и ничего не обнаружив, мы с Ветой принялись освобождать внутренний. Мне не хотелось утруждать ее, но было такое блаженство принимать из ее рук книги, иногда касаясь, словно невзначай, тонких пальчиков, что было выше моих сил прекратить поиски. Комната была уже в невообразимом состоянии, когда хлопнула входная дверь. Пришел Андрей. Узнав, что мы заняты поисками справочника, он хмыкнул: «Светка, он же в гараже, сейчас принесу». Андрей ушел, а мы принялись за обратный процесс, восстанавливая порядок. Я машинально помогал, а сам лихорадочно соображал: «Три минуты до гаража, две на замок, три обратно, – он скоро вернется». Дождавшись, когда Вета поставит очередную книгу на полку, развернул за плечи к себе и поцеловал, ощущая ее пьянящее дыхание, нежную мягкость не ответивших губ, и завывок, щекочущий мне лицо. На секунду оторвался, взглянул в лицо Вете, встретив ее вопросительный взгляд, и снова жадно припал к губам. На этот раз губы Веты слабо шевельнулись. Снова хлопнула входная дверь. Вета отскочила от меня и принялась что-то расставлять на подоконнике. Андрей принес справочник, подал мне, мельком взглянув на сестру, внимательно на меня – и вышел из комнаты мыть руки, сказав, чтобы Вета накрывала на стол. Вета метнулась к двери. На этот раз я не стал отказываться от приглашения и остался на ужин. Ужинали втроем – Атуевы старшие уехали после работы на дачу. Всегда такая разговорчивая, Вета молчала, вскидывая изредка на меня вопросительные испуганные глаза. После ужина мы пошли прогуляться по вечерним улицам. Свежий ветерок обвевал разгоряченное лицо, принося с собой удивительно нежный запах метеолы – любимых ночных цветов моей мамы. Ночь доброжелательно вглядывалась в нас бесчисленными глазами звезд. Сначала Вета шла рядом с братом, но я улучил момент и остановился, якобы для того, чтобы завязать шнурок, а затем пошел посередине между братом и сестрой. На мое предложение опереться на руку, Вете ничего не оставалось, как согласиться. Разговаривая, я поворачивался то к Андрею, то к Вете, и тогда чуть прижимал к себе эту робкую ручку, ощущая ее тепло сквозь легкую летнюю рубашку. Мы уже повернули обратно, как Андрея окликнули. Он остановился поговорить со знакомыми парнями, а мы, не спеша, побрели к дому. Вета молчала. Я чувствовал, как сначала напряглась ее рука, а потом стала чуть заметно подрагивать. Мы повернули за угол. Под черной старой липой присели на скамейку. Я стал целовать Вету, и ее пьянящее дыхание и дыхание ночи слились в один головокружительный аромат. В подъезде мы снова целовались до тех пор, пока не

послышались шаги на лестнице. «Кого это носит в такую пору?» – дождавшись, пока спускающийся сосед прошел мимо нас, мы снова приникли друг к другу. Прижимая к себе ее – такую нежную, такую зовущую, – я с трудом сдерживал себя мыслями, что это сестра моего друга. С трудом заставив себя распротиться, вышел на улицу. В голове все плыло. Дома, отказавшись от ужина, лег в постель. Закрыв глаза, и тут же вернулся образ Веты: глаза хранили облик, уши – голос, руки помнили тепло ее тела. И во сне меня ждала тоже она. Утром я встал с ощущением праздника на душе. Вета не оттолкнула меня, значит, я ей нравлюсь. Душа пела и смеялась, и тянулась к источнику своего счастья. Так мы стали встречаться. Андрей не препятствовал нашим встречам. Но как-то наедине со мной, грубовато-шутливо обозвал меня педофилом, напомнил, что его сестре всего шестнадцать, и в случае чего... Я уверил его, что помню об этом. Конечно я без ума от его сестры, но наши отношения останутся в пределах дозволенного.

– Кстати, почему ты зовешь Светку Ветой?

– А что, не нравится?

– Да нет, просто странно, – Вета, Веточка? – хмыкнул он.

Городок у нас маленький, новости быстро облетают его. Вскоре, мои родители узнали о наших свиданиях, одобрили мой выбор, и беспрестанно просили меня передать Вете приглашение зайти в гости, но Вета откладывала встречу со дня на день.

Как-то я пришел к Вете и застал ее в подъезде в кругу шумной и, как мне показалось, развязной компании. Они громко разговаривали о чем-то и хохотали на весь подъезд. Парни стояли с девчонками в обнимку, двое из компании, подпирая стены, курили; а какой-то долговязый тянул Вету за руку к себе. Вета, упираясь, смеялась. Не помня себя, я крикнул: «Вета!». Парень воззрился на меня, но руку не отпустил: «Светка, это тебя что ли?» Я повернулся, сбегал по ступеням и быстро пошел по направлению к своему дому. Я слышал, как Вета бежала за мной, просила подождать, но остановиться не мог – внутри клокотало бешенство. Она нагнала меня в моем подъезде, вцепившись в рукав, заставила остановиться.

– Ну, что ты, Игорь! Это же мои одноклассники. Они пришли сказать, что нашему классу поручено подготовить на первый звонок поздравление первоклашкам. Кто тянул меня за руку? Так, это же Рудик, ты что, не узнал его?

– Что-то было незаметно, что тебе это не нравится.

– Ну, зачем ты так, Игорь? Он для меня друг – не больше, я же тебе говорила!

Мы подошли к моей квартире. Я распахнул двери, пропуская Вету вперед. Она робко вошла и замерла на пороге. Дома никого не оказалось. Все еще не давая себя уговорить не сердиться, я суховаато предложил Вете чаю, после отказа, провел ее в свою комнату. Она снова стала что-то объяснять мне. И чем несговорчивее был я, тем нежнее и убедительнее она. Так, впервые коварно подобралась ко мне моя болезнь – от того что Вета оправдывалась так смиренно, так молящее, я получал странное удовольствие. Понемногу я позволил себе оттаять. Примирение было чудесным.

Но вечером мои мысли снова вернулись к увиденной днем сцене. Что известно мне о Вете с тех пор, как я уехал учиться? Когда-то она была ребенком, от которого мы с Андреем отмахивались, как от надоедливой мухи. В то время ее жизнь меня совершенно не интересовала. А теперь она выросла и так похорошела! Был ли у нее кто-нибудь до меня? А если да, то значит, кто-то целовал эти губы, эту нежную шейку, прикасался к моему сокровищу настойчиво, как хозяин? С другой стороны, Вета не казалась ни вульгарной, ни распущенной; и до сих пор даже мне не позволяла рискованных ласк, а о близости не могло быть и речи! Но значит ли это, что она не знала близости ни с кем другим? Может быть, строгость по отношению ко мне, продиктована боязнью обнаружить свою предыдущую несдержанность? Так я промучился почти до рассвета. Утром я проснулся позже обычного, абсолютно разбитый. Через восемь дней надо будет уезжать на учебу, а Вета останется здесь, со своими одноклассниками и будет

сидеть за одним столом с этим навязчивым Рудиком. Вспомнилось, как еще в десятом классе, пытался сесть на уроках с Анькой, которая тогда мне очень нравилась. Я садился за парту, стараясь, будто невзначай, коснуться своей ногой ее белеющей под столом ножки; пытался незаметно погладить ее волосы; а списывая, придвигался к ней так близко, что цифры начинали плясать перед глазами. Анька шипела: «Смотри, что пишешь! Ты даже списать по-человечески не можешь!»

Смушало еще и то, что Вета очень редко, только в ответ на мои признания, говорила мне о своей любви. Ее сдержанность настораживала.

Вечером, когда мы с Ветой, побродив по улицам, опустились на любимую скамейку, в перерыве между поцелуями, я спросил:

– Вета, ты любишь меня?

– Да. А ты, Игорь? Для чего ты встречаешься со мной?

– Конечно, люблю, глупенькая, – и мы снова принялись целоваться.

– Скажи, Вета, у тебя кто-нибудь был до меня?

– Да, – она сразу притихла, – мне очень нравился один парень, мы с ним встречались. Это было год назад. Потом у него появилась другая. Но это было совсем не так, как с тобой, Игорь. Тебя я люблю, а там все было по-детски. Ты мне веришь, Игорь? – она заглянула мне в глаза.

– Уже через восемь дней я уезжаю, Вета. ...а ты остаешься здесь.

– Ну, и что. Я люблю только тебя! Мне, кроме тебя, никто не нужен. Мы будем писать друг другу письма. Ты приедешь сюда после зимней сессии, а я постараюсь отпроситься у родителей и приехать погостить к тебе в ноябре. Мне тоже будет тяжело расставаться с тобой, Игорь, но ничего не поделаешь: и тебе, и мне надо учиться.

Успокоенный заверениями Веты, проводив ее, я отправился домой. Было решено, что Вета на следующий день придет к нам в гости, поэтому назавтра, с раннего утра мы с родителями метались по дому в приготовлениях. Родители сбились с ног. Они помнили Вету, как маленькую девчущку – сестру друга их сына, но теперь она должна была прийти в дом, как «девушка Игорька», и они старались вовсю. Дом блестел, праздничный стол сиял хрусталем и скатертью, с кухни неслись соблазнительные запахи. Отца нарядили в костюм, мама надела свое лучшее платье и серьги. Вета опоздала минут на пять. В строгом брючном костюме с собранными волосами, она казалась еще тоньше и выше. Она принесла маме букет роз и испекла торт к чаю. Родители умилились ее предусмотрительностью, усадили за стол рядом со мной и наперебой принялись потчевать желанную гостью. Мои родители были очарованы Ветой.

Вечером, провожая гостью домой, я начал трудный разговор.

– Вета, я хочу поговорить с тобой. Ты мне должна пообещать кое-то, а именно три вещи: не краситься, не носить коротких юбок и пересесть от Рудика на другую парту. Почему ты называешь мою просьбу «дикими требованиями»? Давай разберемся. Для чего женщины красятся и выставляют напоказ свои ноги? Для того, чтобы привлечь внимание мужчин. После моего отъезда, кого ты собираешься привлекать? – я разозлился не на шутку, вскочил со скамейки, на которую мы опустились во время разговора, и расхаживал около, объясняя.

Вета исподлобья следила за мной. Потом тихо спросила:

– Скажи, Игорь, а если я потребую, чтобы ты постригся налысо, чтобы на тебя девушки не засматривались?

– Пошли, провожу тебя, – почти грубо ответил я, – я тебе поставил условие, ночь тебе на размышление, завтра сообщишь, что надумала.

Простились мы прохладно. Ночью меня снова одолевали мысли: «При чем тут, налысо? Я же не требую от нее ничего особенного, просто, чтобы она выглядела скромнее, только и всего. А Рудик... Тут, пожалуй, ей всего и не объяснишь. Глупенькая девочка даже не подозревает, какими похотливыми мыслями может исходить этот юнец, глядя на нее, касаясь ее, сидя рядом

с ней! Как объяснить ей, что мы – мужчины отличаемся в своих помыслах от них – наивных девчонок?» Уверившись в правоте своих требований, я заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.